

Олег Рябов (Нижний Новгород)

Дмитриевская суббота

Трудно высказать словами, на сердце забота:

Снова Дмитриевская страшная суббота.

Плачет небо, в храмах слёзы – поминальный день:

Он торчит больной занозой, надо порадеть.

Поминальная суббота на Святой Руси –

Ох, не праздник, а печальник: мимо пронеси

Эту чашу: став солдатом, лечь в чужой земле,

А вот дома кто-то будет плакать и жалеть.

В светлом мире православном этот день святой,

Только скорбный он, коль служат лишь «за упокой».

Материнская печаль тянется веками,

И с души стекает боль под могильный камень.

Только этот год особый: разделилась Русь

Православная, как птица, прячась на ветру,

Кровью свежую умылась, но в святые дни...

Дмитриевскую субботу фронт не отменил

Девы, матери, старухи, черные с лица,

В храмах в этот день субботний встанут до конца,

Этот день всем вдовам русским не вернет кого-то –

Снова Дмитриевская страшная суббота.

21. 8. 22.

+ + +

Очнуться бы –

Вся жизнь прошла насмарку!

Исправить нужно запятые и помарки,

Но позабуду я все «если б» да «кабы» -

Приму её заманчивым подарком

Вершителя моей больной судьбы.

А, впрочем, жизнь всегда большое чудо –

Её не поднесут, как блин на блюде,

Её прожить искусство или труд,

И, это, если вам ещё дадут.

А то, ведь, может, жизни-то не будет –

Не называть же жизнью ерунду.

Но можно называть тогда судьбой

Сонливое сухое прозябанье

Без сожаленья, даже без признанья

Что ты, увы, доволен сам собой.

Тогда, любой на свете – победитель,

Любой – болельщик, а, быть может, зритель –

Да, вот они – стоят большой толпой.

+ + +

Зачем в деревню? Чтоб в избе

Печь затопив и сев беспечно,

Понять, что вечность быстротечна

С набором будничных побед.

Их, даже напрягая слух,

Не различить в эфире лета –

Они, победы-беды где-то,

Здесь даже эха звук затух.

Зачем в деревню? Чтобы понять
В чем смысл и скорби, и печали -
Печаль всегда была вначале,
Была предвестницей огня.
Теряя счет часам и дням,
И путая уже столетья,
Сомнений грозные соцветья
Растут и трогают меня.

Зачем в деревню? Шутка ль – тут
И Бог в углу, и правда в поле,
И неба синего раздолье,
И тут совет тебе дадут,
Как дальше жить. И тут простят
Тебя за то, что совесть плачет,
За то, что ты не смог иначе.
Ты - не чужой, ты здесь в гостях.

11. 7. 22.

+ + +

Гляжу – мимо окон кто порознь, кто парами
Идут озабоченно. Звон колокольный
Их манит с тревогой, но очень уж странно -
Что мимо меня и вдруг на богомолье.

Я раньше не видел, и не было этого,
Чтоб так вот толпою спешили к причастию –
Должно быть, у этого праздника летнего
Есть что-то интимное, может быть, частное.

В тумане молочном сокрыта околица,
И в августе тоже бывает ненастье.
Разлукою сердце нежданно наполнилось
От встречи медового первого Спаса.

Всё честно, оправдано, даже до осени
Уже дотянуться не трудно, помыслив.
В берёзовой зелени золота проседи,
А в воздухе вдруг паутинки провисли.

Стыдливые мысли, тревожные вести.
Откуда оно – ожиданье несчастья?
Одно успокаивает – если мы вместе,
Я тоже сегодня отправлюсь к причастию.

14. 8. 22.

+ + +

Все юбилеи, словно похороны:
Как над распахнутой могилой
Читаем панихиды крохотные,
Что юбиляра мы любили
И любим, что достоин большего
Был в жизни он, в него мы верим,
Желаем только лишь хорошего.
И куча всяких суеверий:
Детей, здоровья, денег, внуков,
Чтоб век о нем жена заботилась,
А нет, так, чтобы завёл подругу,
Красивую и безработную.

Да, только, словно посторонние,
Мы забываем, что прилюдно

Хвалить позволено покойников –
Им – нет, уже не будет худо.
А с юбиляром надо выпить,
И посидеть с минутку рядом,
Чтоб понял посторонний зритель,
Что это лучшая награда.
Ему не всё ещё отмерено,
Ему ещё пыхтеть да мучиться,
Чтоб оправдать друзей доверие
И вдоволь нахлебаться участи.

+ + +

Лампа настольная да одиночество –
Вот наш заветный набор!
А, если чашечку кофе захочется,
Будет уже перебор.

Если прислушаться, если задуматься –
Муза обнимет крылом,
И не придётся мотаться по улицам
В поисках мыслей и слов.

Только мешают творить обстоятельства:
Сломана лампа, друзья,
И вместо слов, почему-то ругательства –
Всех бы коленом под зад!

Только боюсь – сколько раз опрометчиво,
Так вот, наивно, в сердцах
Я расставался, и в поисках вечности
Не доходил до конца.

Только терял: смысл, цель, равновесие,
Лучшие годы, и дни,
Стольких друзей... И плохое известие:
Муза была среди них.

Женский романс

И. Беляковой

В Александровском парке белеют цветущие липы,
По аллеям крадется медовый дурманящий дух.
Помню, как ты сказал мне загадочно и шаловливо:
«Разрешите представиться!». Ах, на беду, на беду!

Белой ночью с тобою – но, как коротки эти ночи!
Лишь защелкает где-то, в жасмине герой-соловей –
Ты меня целовал среди этих его многоточий,
Я тебя целовала тогда всё смелей и смелей.

В Александровском парке гуляет безумное лето,
На скамейках сокрытых влюблённые пары сидят,
Но без нас в этот год! Потому я жалею об этом,
Что тебя не увижу уже никогда-никогда.

Недругу

Я – нет, не проворонил молодость,
И превзошел себя порою,
А потому и твои колкости
Считаю детской игрою.

Не потеряв себя и в зрелости,
Я в старость заглянул без страха.
А ты не смог набраться смелости,
Запеленав себя в рубаху.

Уже трубят, трубят отходную,
Бряцают кони стремями –
И, как всегда перед походами,
Нас девушки целуют сами.

Так, может, мы и не прощаемся?
Так, может, мы умчимся вместе?
Ты знаешь, это ж просто счастье:
Жить без вранья, любить без лести.

17. 12. 21

В манеже

На цирковой манеж люблюсь.
Там мышцы пробует атлет,
Со лба стирая потный след,
И струйку со спины другую.

Там белой чайкою гимнастка
Легко под куполом летит,
Играя с лонжей безопасной,
Мечту Икара воплотив.

Уверенный наездник стройный,
Свою кобылу укротив,

Её пускает снова строго
По выбранному им пути.

За кругом круг в пустом манеже,
Идя в галоп, закрыв глаза,
Она идёт, забыв, что прежде...
Но нет уже пути назад,
В луга, что зеленью волнуясь
Лежат, а там – распадок, падь.
Лишь круг, лишь кнут, и ни в какую
Ей в сторону не ускакать.

Вот так и мы: мы на арене,
Мы загнаны в рабочий круг
Без пониманья, без сомненья
И без надежды, что мол – вдруг!

+ + +

Ветер денежки считает на осине,
На осине желтой, розовой, осенней.
Заросла густой осиною Россия
Вся, и тут уже не жнут, уже не сеют.

Ну, а вечером над лесом мальчик-месяц
Выйдет, но и он – увы, совсем не весел:
Страшно, только никуда уже не деться,
Если столько натворил, накуролесил.

Ночью темной филин ухает над ухом.
Пусть я с филином – не будет одиноко.
Вот мои – и лес-старик, и ночь-старуха,
И неведомая дальняя дорога.

Заповедные дороги-перепутья,
На ночь глядя, в никуда, через Россию –
Их так много, что пройдешь и позабудешь
Или в изумлении рот разинешь.

Я их часто и со страхом, и со смехом
Проходил. Вот, как монетки посчитает
На осине друг мой, ветер-неумеха,
Мы пойдем с ним, а куда – пока не знаю.

ПРОВИНЦИЯ

А. Серикову

Да здоровствует провинция!
Прости меня, столица,
Погрязшая в амбициях,
Разыгранная в лицах,
Проплаченная, продана
Лимитчикам — талантам,
И никому не родная —
Народная, и ладно!

Да здоровствует провинция,
Где день прожитый — в радость,
Что никогда столицей
Не будет — и не надо,
Где принцы карамельные
Девчонкам ночью снятся.
Дожди идут неделями,
А в город — с автостанции.

Где незнакомцу — «здравствуйте!»
Где каждый день — от Бога,
А дни, хотя и разные,
Но к храму есть дорога.
И место есть для творчества
И для защиты принципов.
Без всенародных почестей
Живёт моя провинция.

ПОСЛЕ ВЫСТАВКИ МОДИЛЬЯНИ

О, как ты красив, проклятый...»

А. Ахматова

Проклятый, бесподобный Амедео
Увидел и влюбился в нашу Анну,
Мимозу, царскосельскую Медею.
Потом — одним штрихом, изгибом плавным,

Карандашом, пером, а может кистью?

Нет, кистью — никогда! Нет, кистью — грубо!

Лишь скрип графита и бумаги листик...

И что же — больше ничего не будет?

Нет, будет вновь Париж и междометья,

Восторг и карандаш, листов сюита.

Потом, потом, уже в другом столетье,

Мы всё поймем, как это не избито,

Свежо, уверенно, а не глоточек пыли...

Там страсть была, и это очень странно,

Что мы молчим или уже забыли...

Всё было: Амедео рядом с Анной!

+ + +

Холодно. Очень холодно,

Будто меня ты голого

Бросила ночью в сугроб,

Бросила и оставила.

Нет — ты, наверно, не стала бы...

Но наломала дров.

Ты — босиком по улице.

Дождик, погода хмурится,

Холодно, колется, дрожь.

Всё! Всё тебе отмерено —

Так и должно быть, наверно.

Так ли? И не поймёшь!

И не услышу я голоса,
И не потрогаю волосы,
Вот – и уже ничего!
Мы с тобой может быть, встретимся -
Ждешь на небесной лестнице
Явления моего.

23. 5. 23.

+ + +

А, Дедал – он мой друг, он – мастер.
Он придумал летучие крылья,
Он натер их воском, покрасил,
Наделил их мускульной силой.
И летал он с Икаром, с сыном...
Вот сидим мы – седой он, старый,
Вспоминает, как в небе синем
Потерял он сына Икара.

Друг мой, Пигмалион – художник,
Он себе Галатею сделал –
Грудь и бедра с матовой кожей,
Дышат жизнью детали тела.
Он влюбился в творенье это,
Позабыв про возраст и сроки...
У творений вечное лето,
А состарился он одиноким.

Мой учитель, Гомер, пел людям.
Ах, какие поэмы и песни!
Мы его похвалить не забудем,
Хотя он не нуждается в лестях,

А вот чашу вина он взалкает
Да и фиников горсть примет.
У него жизнь была слепая,
Да, и помним мы только имя.

Все они - без прицела на вечность,
А, поди ж ты, и получилось!
Время судит и время лечит.
Есть у времени право и сила.
И поэт, и художник, и мастер,
И любой проводник мысли
Встретит вечность, а только счастье
Не создать пером или кистью.

Театральное

А. Мюрисепу

Аплодисменты, шурша о стены, ползут по залу,
Поклон последний, артист усталый - в столбе софита.
Но вдруг покажется на миг, что сделал мало,
А «бис» провисший, он - не ему, а так, для свиты!

Снимался грим легко: как шкура с вареной щуки,
Он бросит в угол сюртук тяжелый - промок от пота.
И дрожь в ногах, от напряжения пляшут руки,
А в дверь с опаской стук - появился зачем-то кто-то.

Вошел знакомый, вошел банальный и серый вечер,
Принес коньяк, цветы и грубо улыбку срезал.
Была усталость, и было просто ответить нечем,
А вечер мягко облокотился на спинку кресла...

Он панибратски был неприветлив с моим героем:
Он хороводил, не мямля глупо пустое «здрасьте!»
Своим молчанием он восхитился его игрою,
И в тишине артист расслышал: «А ты, брат – мастер!»